От действительности экономического ресурса к реальности социальной жизни

Полякова Наталья Борисовна¹, Шамшури́н Алексей Андреевич²

¹кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и гуманитарных дисциплин, Удмуртский государственный университет. Россия, г. Ижевск. ORCID: 0000-0001-7646-3333.

E-mail: midies@mail.ru

²кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин, Удмуртский государственный университет. Россия, г. Ижевск. ORCID: 0000-0003-2590-7656.

E-mail: shamshurinudsu@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования современного состояния социальной реальности включает, в том числе, вопрос о тотальном определении экономическими смыслами всей общественной жизни. Не вызывает сомнения утверждение, что экономика господствует в осознании человеком целей и средств своей деятельности. Данные положения позволяют полагать, что иные, внеэкономические, способы социального бытия либо нивелированы, либо «изгоняются» из общественного существования. Само социальное становится обедненным, неполноценным, теряя свое смысловое и действительное многообразие. Эта ситуация определяет научную проблему работы. В статье последовательно рассматривается социально-философское видение установления соотношения экономики и социальной реальности. С позиции экономики человеческая жизнь раскрывается через категорию «ресурса», понимаемого как средство. Во-первых, исчерпаемость и исчислимость, заложенные в ресурсе, формируют односторонне-абстрактное и предельно понятное время жизни человека. Во-вторых, сущность социальной жизни человека раскрывается через ресурсность, которая требует социального осмысления. В статье значение «ресурсности» заключается в уникальном проявлении мыследеятельности человека. Но преодолеть своеобразие внутри сплошной экономической обусловленной совместной жизни либо невозможно, либо крайне затруднительно. Экономическая составляющая социальной жизни тотальна, по причине чего она как бы не дает возможности для внеэкономического самовыражения. Поэтому самоидентификация человека в социальном целом как экономической действительности становится редкостью. Целью исследования является выяснение возможности преодоления границ экономической жизни с помощью открытия реального многообразия общественных смыслов и социальной деятельности. Для достижения цели используется конструктивно-герменевтический подход. Опора на выбранную методологию позволяет работать со смыслами, пониманием, интерпретацией экономических, теоретико-социологических и социально-философских текстов, категорий концептов, совокупность которых рассматривается как социально-экономический дискурс. В результате проведенного исследования достигается такое осмысление сущности социальной реальности в многообразии ее ресурсного потенциала, которое указывает на выход за границы исключительно экономического понимания социальной жизнедеятельности. Преодоление экономической одновариантности понимания социума трактуется как возвращение его полноценности и возможности человеку предъявить себя в его своеобразии.

Ключевые слова: социальная философия, человеческое бытие, смысл, социально-экономическая реальность, деятельность, ресурс, ресурсность, редкость.

Введение. Ситуация современного общественного бытия такова, что определяющим для него становится «царство экономики». Как утверждает Дж. Агамбен: «Власть имеет структуру *gerere vices* (исполнение обязанностей), она в самой своей сущности является *vices*, наместничеством. То есть термином *vices* определяется исконно наместническая природа суверенной власти – или, если угодно, ее абсолютно несубстанциональный и “экономический” характер. Двоякая (или троякая) структура управленческой машины (Царство и Управление, *auctoritas* и *potestas*, *ordination* и *executio*, но также и разграничение властей в современных демократиях) обретает в этой перспективе свой подлинный смысл. Управление, безусловно, действует наместнически в отношении Царства; но это имеет смысл лишь в пределах экономики замещений, в которой две власти не могут обойтись одна без другой. Так, наместничество заключает в себе онтологию – точнее, подмену классической онтологии “экономической” парадигмой, в которой ни одна фигура бытия не находится в позиции *agche*, но исходной является само тринитарное отношение, в котором каждая из трех фигур *gerit*, то есть исполняет обязанности дру-

гой. Тайна бытия и божественности всецело совпадает со своей “экономической” тайной. Нет никакой субстанции власти: есть лишь “экономика”, “управление» [1, с. 233–234].

Тотальность распространения экономики подтверждается также фактом применения всеобщего и универсального экономического измерителя – денег. Следствием перевода любого социального факта в денежный эквивалент становится обесценивание формирования знания, использование закона, производство любого социального действия и прочего, которые не имеют экономически рентабельного основания. Тем самым, на наш взгляд, экономика проникает во все сферы социального бытия и управляет ими самовластно, а под вопрос ставится внеэкономическая сущность всех социальных явлений. В социальной реальности как бы изначально предполагается, что нет никакой человеческой общественной вне денежно-измерительной жизнедеятельности, а тем самым и экономической системы. Такая ситуация составляет исследовательский интерес, а ее изучение становится стартом для представления материала данной статьи. Вытекающие из представленной ситуации проблемы и вопросы последовательно рассматриваются в материале и формулируются в цели и задачах.

В качестве основного вопроса ставится следующий – возможно ли существование социальной жизни, где экономика оказывается рядоположенным фактом социальной жизни? Поэтому целью исследования является анализ возможности преодоления границ исключительно экономической человеческой жизни с помощью открытия реального многообразия общественных смыслов и социальной деятельности. Безусловно, данная формулировка предполагает охват большого материала. Поэтому в статье рассматриваются только некоторые аспекты данной проблематики.

Теоретическим основанием философской рефлексии социально-экономического бытия становится следующий круг работ. Понимание социально-экономической реальности как мыслительного языкового конструкта основывается на исследованиях Х. Арндт [2], Р. Барта [3], Ж. Бодрийяра [5; 6], Т. А. ван Дейка [11], М. Фуко [25], М. Хайдеггера [26] и др. Представление о языковой и дискурсивной природе реальности также разрабатываются у отечественных ученых – М. Л. Макарова [14], Е. Ю. Махницкой [17], Ю. С. Степанова [23] и О. Ф. Русаковой [29]. Господство экономической реальности в мыследеятельности человека описывается в работах Дж. Агамбена [1], Р. Л. Хайлбронера [27]. А сами дискурсивные экономические структуры, в том числе «редкость» и «избыточность», рассматриваются в фундаментальных исследованиях экономики Ж. Батая [4], К. Маркса [16], Л. фон Мизеса [18], М. Мосса [19] и др. Переосмысление места экономического дискурса в социальной реальности происходит через взгляды Ж.-Л. Нанси [20; 21].

Выбор этих авторских позиций обусловлен конструктивно-герменевтическим методом понимания социально-экономической реальности и дает возможность интерпретировать социальный факт как смысл или сущность исследуемых явлений и целостности социального, экономику – как дискурс, а социальную реальность – как пространство, представленное в текстах.

Даже ограниченный объемом статьи материал позволяет, благодаря использованному методу, доказательно и последовательно представить результаты. Итоги исследования структурно разделены на три части, соответствующие задачам исследования.

Во-первых, рассматривается конструирование социально-экономической реальности в структурах мыследеятельности человека. Такой ракурс позволяет задать как экономику, так и социальную жизнь в виде порядков дискурсов. Дискурс, вслед за М. Фуко [25, с. 47–96], понимается как совокупность текстовой деятельности, фиксирующей практики знания. Иными словами, дается анализ социально-экономической жизни с позиции ее познания философией как дискурсивной практикой.

Во-вторых, анализируется социальная жизнь как ресурс с позиции ее экономического определения и «использования». Такая точка зрения позволяет выявить «болевые» места социального бытия, в которых, как в структурах совместности, исчезает любой внеэкономический смысл человеческой жизни.

В-третьих, в заключении описывается философское переосмысление оснований экономики таким образом, что совместное человеческое существование открывает возможности смыслового разнообразия социального бытия, заложенного в потенциальной ресурсности социальной реальности.

Конструирование социально-экономической реальности в мыследеятельной жизни человека. Обращение к социальному бытию требует его определения, поскольку в современной философии констатируется наличие разных способов его понимания. Для этого выстроим рассуждения о бытии и его социальной ипостаси на основе конструктивно-герменевтического подхода.

Концепт «бытие» в своей вечности и бесконечности открывается лишь через осознание человеком самого себя, своего собственного бытия. Ничем не ограниченное свойство быть становится чуть более ясным и приоткрывает себя в границах человеческой жизни. Мышление позволяет открыть то, что Едино в одном слове – Бытие – и одновременно в нем Множественно в своих бесчисленных многообразных предъявлениях. Данный нарратив отсылает к гераклитовскому первому слову философии «всё-есть-одно». Разверстка данного философского «слова» возникает в интерпретативных практиках *мысле-сферы* человеческого существования. Такой ракурс задает бытие человека посредством его *со-бытийности* или совместности с другими, а потому оно является социальным по своей сути [21]. Поскольку человек как человек есть тогда, когда он раскрывает свою сущность со множеством себе подобных, постольку социальная сфера оказывается множеством смыслов, через которые человек в своей мыследеятельности реализует себя. Одновременно разнообразие смыслов собирается в единое когнитивно-дискурсивное целое в человеке посредством постижения знания и его субъективного осмысления. Тогда социальное бытие в рамках данного исследования конструируется так – оно есть совместная человеческая мыслесфера, предъявляемая в дискурсивной форме социальной реальности, определяющей человеческую жизнь.

Жизнь человека есть его движение от рождения и до смерти. Что же вносит человек в свою жизнь, делая ее именно человеческой? Его разум позволяет осмысленно наметить две точки – начало и конец жизни. Сами эти точки человеку не принадлежат в силу того, что его рождение в руках родителей, медицинских препаратов, генной инженерии, и смерть оказывается тем моментом, который фиксируют другие, ибо в этой точке бытие человека более ему не принадлежит. Иначе говоря, рождение и смерть являются внешними по отношению к жизни конкретного человека, т. е. тем, что не зависит от его воли, действует на него в виде причин.

То же, что располагается между ними, – это явленное размеченное/измеренное двумя заданными точками бытие или человеческая жизнь. Отрезок «от» и «до» задает временное отношение жизни, делает человеческую жизнь временным и временным отрезком бытия.

Благодаря тому, что это расстояние преодолевается и понимается человеком как движимое во времени его собственное бытие, возможно обнаружить, что это передвижение им осознается. Именно смысл, т. е. внесение собственного мышления в это неумолимое течение, притягивающее к концу, открывает человеку себя самого.

Внесение мышления есть временная разметка жизненного пути «от» и «до». Эти точки намечаются человеком и делят и без того короткий отрезок на еще более незначительные «маленькие шаги». Безусловно, каждое мгновение случается вне зависимости от того, осознал его человек или нет. Но эти передвижения оказываются вполне человеческой жизнью тогда, когда в них есть значение для самого человека, позволяющее ему не закончить жизнь самоубийством, а сохранить человеческий род. Деятельность, т. е. целенаправленное передвижение «от» и «до», наполняет мгновения человеческой жизни.

Человек рождается дважды: во-первых, физически, и во-вторых – интеллектуально. Второе рождение открывает человеку деятельность собственного мышления, делает это мгновение значимым, значащим, осмысленным, необходимым, свободным. Всё это характеристики деятельности, которая понимается в качестве мыслительной активности.

Action происходит от слова act, означающее не только действие, но и достижение, т. е. когда человек «до»-ходит, «до»-стигает, «до»-бирается в своей жизни «до» чего-то им обозначенного, намеченного во временной раскладке, в будущем или прошлом.

Только ли *vita*, жизнь, стягивает в единое целое передвижение и мышление «от» и «до»? Более точно говорить о *vita humana*, о человеческой жизни. Причем такая жизнь *activa* и *contemplativa* – она одновременно активна и деятельна, а значит, созерцаема или наполнена мышлением [2, с. 13].

Поскольку активность придает смысл созерцательности, поскольку без деятельного воплощения мышление иллюзорно, постольку актуализация мышления или деятельное воплощение мышления в жизнь позволяет состояться *vita humana*. Для состоятельности жизни человек использует слово и действие. Говоря, он производит действие, а действуя, дает возможность понять, прочитать смысл action, доступный только с помощью слов.

Деятельность и мышление ведут человека по жизни, или иначе человек сам производит следующий шаг жизненного пути благодаря действиям и речи. Человек производит жизнь не потому только, что природная его часть, тело живет, но потому, что оно дает возможность произвести то, чего нет в природе, а именно, культуру.

Человеческая деятельность осуществляется в труде, создании (изготовлении) и поступке (действии) [2, с. 14]. Это способы окультуривания человеческой жизни. Но способы производства это и есть хозяйствование. Значит, деятельность человека производит культуру в структурах хозяйствования.

Осмысление такого производства приводит К. Маркса к обнаружению сотрудничества между людьми, которое нацелено на сохранение человеческого рода как целого в «естественном» социальном существовании [16, с. 15–17]. Здесь социальное есть взаимодействие, возникающее благодаря совместному труду, в котором производится и воспроизводится не только материальное в своем искусственном продолжении, но общество как таковое.

Х. Арендт в аспекте разворачивания производства социального выстраивает разговор о том, что деятельность осуществляется всегда совместно, но не только в труде как способе эволюционного выживания. Бытие социального создается в изготовлении искусственного мира, разворачивается в поступках как речевых актах. Возникает согласованное совместное человеческое бытие друг с другом [2, с. 32–33].

Л. фон Мизес, основательно исследуя социально-деятельностный, праксиологический аспект человеческой жизни, приходит к осмыслению способов управления этим производством социальной жизни, т. е. к обоснованию экономики. «Праксиология и экономическая теория занимают свое место в эволюции человеческой истории и процессе научных исследований. Они могли возникнуть только тогда, когда деятельный человек сумел создать методы размышления, которые позволили ему рассчитывать свои действия. В самом начале наука о человеческой деятельности была дисциплиной, имеющей дело лишь с теми действиями, которые могли быть проверены денежным расчетом» [18, с. 218].

Экономика, понимаемая как каталлактика на фундаменте праксиологии, оказывается самодостаточной и самозамкнутой абсолютной системой. Самозамкнутость означает совпадение начала и конца, фундамента и построения, символического знания и действительности [7, с. 34]. Если экономика есть экономическая деятельность/хозяйствование и одновременно знаниевые способы его осуществления, которые измеряются самой экономической деятельностью в виде исчислимых показателей, то можно говорить о социально-экономической реальности. Экономическое знание становится реальностью тогда, когда оно в своем стремлении абсолютизироваться (=стать истиной) достигает полной объективации как предьявленности в действительности. Она заполняет собой всю социальность, становится полнотой ее определения. Поэтому можно заключить, что социально-экономическая реальность есть совпадение процесса конструирования экономической модели субъектом и объективной реализации этой знаниевой конструкции в действительности социальной жизни [27].

Поэтому в экономике имеются такие неоспоримые, действительные структуры, которые являются базисом, на самом деле представляющим собой не что иное, как превращенное в действительность экономическое знание.

Таким образом, человек обнаруживает социально-экономическую реальность своей жизни. Осмысляя ее, он полагает структуры экономики действительными. Соответственно такой сущности человек выстраивает свои мысли и дела, идеи и поступки. Значимыми, значащими, более осмысленными, необходимыми и приносящими свободу из них будут те, которые экономически оправданы. Как заметил Т. Седлачек, несмотря на то, что экономика отвергает идею того, что она является наивысшей ценностью, между прочим, по сути предьявляет сама себя таковой [22, с. 72].

Социально-экономическая жизнь человека в структурах редкости и избыточности. Реальность экономических структур самополагает себя действительностью в ходе истории развития общества, повседневных социальных практиках, социально-экономических теориях и др. [7, с. 31]. Если в анализе экономики двигаться в сторону ее основоположений, то возможно обнаружить неоспоримость и допущение истинности утверждения о том, что деятельный человек имеет неопределенную и практически бесконечную потребность, которая сталкивается и ограничивается определенностью и конечностью имеющихся у него ресурсов. Иначе говоря, ресурсы конечны, а потребности в них бесконечны – из чего следует необходимость рационального, эффективного, т. е. – в идеале – экономического, их использования.

Ресурс – жесткая структура, строгость которой заключается в догматизме самополагания экономики. «Ресурсом» возможно определить любой объект. Поэтому экономика выстраивается как управление миром объектов как миром ресурсов. Это указывает на то, что причиной управления полагается знание, существующее в виде экономической теории [24, с. 50–51]. Тогда ресурс есть конструкт экономического знания.

Ресурс как нечто ограниченное имеет рамки/территорию осуществления и разворачивания экономической реальности. Конечность ресурсов указывает на действительность экономики. В этом плане сомнение в конечности ресурсов есть не что иное, как отклонение от здравого смысла: кто сегодня не верит в то, что нефть закончится? Неверие в конечность запасов нефти или других ресурсов, по мнению Л. фон Мизеса, означало бы их иллюзорность, так сказать, нереальность [18, с. 21–22]. Но вера в конечность ресурсов (напр., нефти) предъясняет их независимость от воли человека и действительности.

Конечность ресурсов как действительность есть то, в чем реализуется экономика. Иначе говоря, экономике необходимо догматизировать ограниченность и конечность ресурсов, чтобы обосновать свое собственное существование. Поэтому ограниченность ресурсов предъясняет собой потребность экономики в экономике. Нефть заканчивается, а значит, есть необходимость экономического способа заканчивать нефть, чтобы максимально потребить/извлечь экономическую выгоду. Это походит на сетку действий, покрывающую человеческую жизнь.

Жизнь также может рассматриваться и, собственно, рассматривается как ресурс человека. Она ограничена точками «рождения» и «смерти». Экономика же есть такая структура, такой смысл, который предъясняется как форма эффективного, рационального способа проживать жизнь, потреблять ее.

С одной стороны, довлеющий экономический смысл репрезентирует потребление жизни конкретным человеком. С другой, – у человечества возникает устремленность продлить жизнь: заботиться о здоровье тела и ума, технологически развивая условия увеличения показателей долголетия, средней продолжительности жизни и т. д. Величина таких показателей раскрывает экономическое развитие общества, понимаемое как развитие вообще, т. е. прогресс. Можно заключить, что «ресурс» – точка разворачивания экономики. Жизнь, определенная ресурсом, наполняется экономическим смыслом, исходит из него.

«Ресурс» оказывается, с одной стороны, ограниченным, а с другой – неограниченным. Ограниченность ресурса означает, что он исчерпаем, а значит, становится редким. Неограниченность ресурса предъясняется в том, что в нем имеются потенциальные возможности его дальнейшего самовоспроизводства, т. е. внутренний потенциал – это ресурсность как сущность ресурса. Значит ресурсность производит ресурс. Она неисчерпаема. Здесь сущность есть смысловой потенциал. Переложим данное рассуждение на функционирование экономики.

Экономика как ресурс общества является объективной формой его существования. Она как единственный общественный смысл исчерпывает все остальные социальные факты, детерминанты, смыслы, заменяя их собой. Поэтому экономика как бы сливается с обществом. Общественные смыслы экономики становятся редкими, а затем исчезают из нее. Для того чтобы возродить смысловую наполненность экономики, ее необходимо переосмыслить. Новые возможности появляются тогда, когда экономика рассматривается как ресурсность ее дальнейшего развития. Такое самопроизводство находится в ее внутренних, т. е. субъективных структурах. Субъективный потенциал экономики раскрывается через ее обращение к разнообразию социальных смыслов. Эти смыслы становятся новым направлением ее развития.

Ресурсность как субъективное начало экономики начинает определять социальное бытие человеческой жизни, превращая ее части в ресурсы. Тогда экономика есть детерминант. (От латинского слова «determinare», что означает «определять». «Определять» значит накладывать пределы или границы, ограничения.) Следовательно, такая экономика имеет смыслоположение, исходя из определенных ей самой, своим знанием, ресурсов. В ее понимании мир ресурсов – это по сути своей экономический мир, в котором можно реализовать максимум потребностей с минимальным расходом конечных ресурсов. Тогда такой экономический мир становится объективным, поэтому он как бы существует по своим собственным законам вне зависимости от экономического теоретического мышления.

Мы можем использовать нефть как экономический ресурс, поскольку экономика полагает его в качестве такового, т. е. ограниченного, того, что закончится. Нефть конечна, а потому ее экономический смысл заключается в том, что она является редкостью, а следовательно, ценностью и объективной действительностью экономической реальности. Но также мы можем в качестве ресурса рассматривать солнечный свет. Он относительно нескончаем, следовательно, с одной стороны, не может быть ресурсом. Однако, рассматривая уже саму экономику в качестве ресурса, избыточность света, существующая во времени, является потерей. Неиспользование света будет означать упущение, при условии, что ресурсность экономики задаст его как ресурс. Смысл такого ресурса будет заключаться не в том, что свет закончится, а в том, что он избыто-

чен и не реализуется для потребления. Ограничение избыточности будет предъявлять экономическую реальность совсем в иной форме, нежели в случае с ресурсом как редкостью, возникает ресурс как дар, требующий переосмысления ресурсности в экономике дара.

Обращение к истории экономической мысли позволяет обнаружить движение смыслов ее дискурсивной составляющей. Социально-экономическая реальность саморепрезентируется в концептуальных смысловых состояниях. По этой причине экономика начинает пониматься как социально-философский конструкт. Следовательно, можно задать: 1) вариативность форм ее описания, 2) протяженность различных смыслов, которые содержательно наполняют те или иные формы. Это такие смысловые категории, как «деятельность», «труд», «обмен», «потребление», «производство» и др.

Получается, что экономический язык задает форму экономическому знанию, исходя из которого он действует. Экономика утверждает саму себя и начинает самописание, посредством собственной концептуализации.

Возможно проследить, как исторически переосмыляется экономика, и выделить два способа, каким задается понятие ресурса. Первый способ определяет объективность ресурса и самой экономической реальности. При втором способе экономическая реальность конструируется, а ресурс понимается исходя из избыточности. В зависимости от смыслового самонаполнения выстраивается повествование экономической жизни.

Объективность ресурса и экономической реальности предъявляется в работах античных авторов, таких как Аристотель, Ксенофонт [13], и получает дальнейшее развитие в меркантилизме, физиократии и классической политической экономии, включая А. Смита, Д. Рикардо, Т. Мальтуса, К. Маркса и др. Продолжение исторического экономического нарратива о ресурсе как редкости и объективности экономики принадлежит маржинализму Австрийской и Неоавстрийской школы экономики в лице К. Менгера, О. Бем-Баверка, В. Парето, Л. фон Мизеса, Й. Шумпетера, Ф. фон Хайека и др. [28].

Экономическая интерпретация объективности ресурсов и потребности в экономической логике привела к смешению понимания экономики и социальной реальности. К экономическому знанию начинают обращаться социальные и гуманитарные науки. Так происходит взаимоопределение общества и экономики в структурах человеческой жизни. Ярким примером этого служит институционализм Т. Веблена. В работе «Теория праздного класса» [9] рассматривается противоположность демонстративного потребления и производительного труда. Далее М. Мосс в своей работе «Общества. Обмен. Личность» [19] исследует «потлач» в традиционном обществе как обычай уничтожения богатства. В основании «потлача» лежит экономия дара, которая предписывает давать и получать, уничтожать и возмещать. Экономия дара имеет своей целью не накопление богатства, а жертвование и расточение ради завязывания межклановых и межплеменных связей, т. е. сообщения человека в его индивидуальных потребностях. Способ отойти от экономического определения «современного» социального мышления свойственен не только М. Моссу, но и социальной философии Ж. Бодрийяра [6].

Дискурс экономики ресурса (экономики редкости) сменяется на другой дискурс – процессуальных категорий ресурсности экономики (экономика избыточности). Поэтому экономика как детерминант, т. е. та, которая ограничивается объективными ресурсами, становится экономикой детерминации, или экономикой, которая субъективно ограничивает потенциальную ресурсность и сама определяет ресурс (на примере солнечной энергии или вторсырья). «Детерминация» от латинского «*determinatio*», она выражает процесс определения или «определивания».

Таким образом, в истории описания экономического дискурса обнаруживается, как экономика ресурса оборачивается ресурсной экономикой, предел которой не в промышленном капитализме, а в новом капитализме, когда сырьем/ресурсом устанавливается определяемый излишек. Таким новым капитализмом становится надзорный капитализм цифрового общества. «Надзорный капитализм в одностороннем порядке претендует на человеческий опыт как на бесплатное сырье для превращения его в данные о человеческом поведении. Хотя часть этих данных используется для улучшения продукта или услуги, остальное объявляется проприетарным поведенческим излишком, передается передовым производственным процессам, известным как «машинный интеллект», и перерабатывается в прогнозные продукты, предсказывающие, что вы сделаете прямо сейчас, в ближайшем или более отдаленном будущем» [12, с. 17].

Разрыв между потребностью и ресурсами, свойственный для экономики «редкости», переосмыляется. Преобладающим становятся смыслы потребности, расточительства, избы-

тка, а не ресурса и его редкости. Производство экономических моделей в процессе математизации знания отрывается от непосредственных объективных ресурсов. Происходит трансценденция и уход в субъективность экономики – социальную ресурсность мыследеятельности.

В этом смысле ограниченность ресурсов кажется навсегда преодоленной. Именно в ресурсной экономике можно говорить о производстве потребления и, следовательно, об «обществе потребления» [6] (Ж. Бодрийяр); о производстве знания как фактора производства [10] (А. Горц) и, следовательно, об «обществе когнитивного капитализма»; о производстве опыта как основного ресурса в цифровом «транспарентном обществе» [8] (Дж. Ваттимо).

Экономика детерминации интерпретирует разрыв между неограниченностью предела редкости и ограниченностью ресурсной возможности. Началом самоописания экономики «избыточности» является «Проклятая часть» Ж. Батая [4]. Он называет «коперниканским переворотом» в политической экономии переход от экономики «редкости» к экономике «избыточности». То, что здесь обозначается экономикой детерминации аналогично всеобщей экономии Ж. Батая [4, с. 115–116]. Для него она является экономией расточительства с ее главной проблемой избытка. «Празднество – слияние жизни всех людей» [4, с. 74]. В этом плане она противостоит экономии Детерминанта с ее главной проблемой недостатка. Одно состояние экономики – «как потратить?», а второе – «как приобрести?». По Ж. Батаю, всякая избыточность, неспособная осуществиться, если не будет растрочена, приведет к «ожирению» и последующей имплозии или к застою и гибели. Когда система не способна превратить избыток в рост, прибыль теряется, но если она не способна также и деятельно растратить избыток, наступает катастрофа системы [5] (Ж. Бодрийяр).

Заключение. Жизнь человека есть длящееся бытие «от» и «до». В начале она неопределенна и избыточна в своей потенциальности. Используемые ресурсы мышления разворачивают социальное существование человека в том числе в экономическую реальность. Существование человека является необходимым условием существования экономики как объективации экономического знания. Экономический дискурс фиксирует недостаточность человеческой жизни и в попытке ее восполнения задает направление движения жизни «от» потребности «к» предлагаемым вариантам жизнедеятельности через нарратив редкости потребляемых ресурсов экономической реальности. В данном случае экономика производит ограниченность ресурсов, что позволяет ей реализовать собственное бытие в социальном бытии человека. Недостаток ресурсов в экономической реальности стимулирует разворачивание экономической деятельности.

С точки зрения объективного мира ресурсов человек для экономики – ресурс потребления, и тогда человеческая жизнь – экономическая жизнь. Но с другой точки зрения, когда экономика рассматривается как социальный конструкт, для ресурсности экономики человек становится необходимым смысловым наполнением, оживляя социально-экономическое существование. Человек социален. Любое общество, которое видит себя сквозь призму тотального смысла экономической реальности, – это общество благополучия («общество потребления», «общество знания», «прозрачное общество»). Здесь «общество» имеет один ресурс – экономику. Ресурсностью экономики является социальная жизнь человека.

Итак, экономика как конструкт мыследеятельности является универсальным дискурсивным средством оборачивания любого социального сосуществования в ресурсное состояние собственного бытия. Она становится точкой отсчета благополучного человеческого сосуществования, объединяя всех в единое социальное целое, сохраняя потенциальную ресурсность развития каждого.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / пер. с ит. Д. С. Фарафоновой (гл. 1–8), Е. В. Смагиной (приложение); под науч.ред. Д. Е. Раскова, А. А. Погребняка, Д. С. Фарафоновой. М. ; СПб. : Изд-во Института Гайдара ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. 552 с.
2. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина; под ред. Д. М. Носова. СПб. : Алетейя, 2000. 437 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
4. Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология / пер. с фр.; сост. С. И. Зенкин. М. : Ладомир, 2006. 742 с.
5. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла / пер. с фр. Л. Любареккой и Е. Марковокой. М. : Добросвет, 2000. 258 с.

6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Изд. 4-е. М. : Добросвет, Изд-во КДУ, 2011. 392 с.
7. Бурдые П. Включенная объективация / пер. с фр. Г. Б. Юдина // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 21–38.
8. Ваттимо Дж. Прозрачное общество / пер. с ит. Д. Новикова. М. : Логос, 2002. 128 с.
9. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ.; вступ. ст. С. Г. Сорокиной. М. : Прогресс, 1984. 367 с.
10. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. с нем. и фр. М. М. Сокольской; Гос. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Гос. ун-та «Высшей школы экономики», 2010. 208 с.
11. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
12. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. М. : Изд-во Института Гайдара, 2022. 784 с.
13. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М. : Наука, 1993. 384 с.
14. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
15. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика / пер. с 14-го англ. изд. М. : ИНФРА-М, 2003. 972 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3-х т. Т. 1. М. : Политиздат, 1979. 640 с.
17. Махницкая Е. Ю. Современный экономический дискурс в когнитивной парадигме. М. : РИНХ, 2007. 230 с.
18. Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М. : Экономика, 2000. 878 с.
19. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр., сост., предисл., вступ. ст., комм. А. Б. Гофмана. М. : КДУ, 2011. 416 с.
20. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / пер. с фр. В. В. Фуре; под ред. Т. В. Щитцовой. Мн. : Логвинов, 2004. 272 с.
21. Нанси Ж.-Л. О со-бытии / пер. М. К. Рыклина // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М. : Наука, 1991. С. 91–101.
22. Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит / пер. с чешск. Изд. 2-е. М. : Ад Маргинем Пресс, 2022. 544 с.
23. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М. : Языки русской культуры, 1998. 784 с.
24. Тавбулатова З. К. Отражение в современной экономической теории специфики экономики ограниченных ресурсов // Terra eonomicus. 2012. Т. 10. № 4. Ч. 3. С. 50–53.
25. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М. Касталь. 1996. 448 с.
26. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.
27. Хайлбронер Р. Л. Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха, идеи / пер. с англ. И. Файбисовича. М. : КоЛибри, 2008. 432 с.
28. Экономическая история мира: в 6 тт. / под общ. ред. М. В. Конотопова. М. : КНОРУС, 2008.
29. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2015. 376 с.

From the objectivity of economic resource to the reality of social life

Polyakova Natalia Borisovna¹, Shamshurin Alexey Andreevich²

¹PhD in Philosophy, associate professor, Head of the Department of Philosophy and Humanities, Udmurt State University, Russia, Izhevsk. ORCID: 0000-0001-7646-3333. E-mail: midies@mail.ru

²PhD in Philosophy, associate of the Department of Philosophy and Humanities, Udmurt State University, Russia, Izhevsk. ORCID: 0000-0003-2590-7656. E-mail: shamshurinuds@gmail.com

Abstract. The relevance of the study of the current state of social reality includes, among other things, the question of the total determination of economic meanings of all social life. There is no doubt that the economy dominates in a person's awareness of the goals and means of his activity. These provisions allow us to assume that other, non-economic, ways of social existence are either leveled out or "expelled" from social existence. The social itself becomes impoverished, inferior, losing its semantic and real diversity. This situation defines the scientific problem of the work. The article consistently examines the socio-philosophical vision of establishing the relationship between economics and social reality. From the standpoint of economics, human life is revealed through the category of "resource", understood as a means. Firstly, exhaustibility and calculability inherent in the resource form a one-sided-abstract and extremely understandable time of human life. Secondly, the essence of human social life is revealed through resourcefulness, which requires social understanding. In the article, the meaning of "resourcefulness" lies in

the unique manifestation of human thought activity. But to present originality within a continuous economically conditioned life together is either impossible or extremely difficult. The economic component of social life is total, due to which it does not provide an opportunity for non-economic self-expression. Therefore, self-identification of a person in the social whole as an economic reality becomes a rarity. The purpose of the study is to overcome the boundaries of economic life by discovering the real diversity of social meanings and social activity. To achieve this goal, a constructive-hermeneutic approach is used. Reliance on the chosen methodology allows working with meanings, understanding, interpretation of economic, theoretical-sociological and socio-philosophical texts, categories of concepts, the totality of which is considered as socio-economic discourse. The main conclusion of the article is the discovery of going beyond the boundaries of exclusively economic understanding of social activity, with the help of rethinking the essence of the resource in the diversity of resource potential or the resourcefulness of social reality in the multiplicity of its meanings. Overcoming the economic monovariance of understanding society is interpreted as the return of its full value and the opportunity for a person to present himself in his uniqueness.

Keywords: social philosophy, human existence, meaning, socio-economic reality, activity, resource, resourcefulness, rarity.

Reference

1. Agamben J. *Tsarstvo i Slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya* [The kingdom and the glory. Toward a theological genealogy of economy and government] / transl. from Italian by D. S. Farafonova (ch. 1–8), E. V. Smagina (appendix); scient. ed. by D. E. Raskov, A. A. Pogrebnyak, D. S. Farafonova. M.; SPb., Izdatel'stvo Instituta Gaïdara; Fakultet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2019. 552 p.
2. Arendt Kh. *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni* [Vita activa, or On active life] / transl. from German and English by V. V. Bibikhin; ed. by D. M. Nosov. SPb., Aleteya, 2000. 437 p.
3. Bart R. *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: semiotics: poetics] / transl. from French; comp., general ed. and introduction by G. K. Kosikov. M., Progress, 1989. 616 p.
4. Batai Zh. *"Proklyataya chast'": Sakral'naya sotsiologiya* [The accursed share: sacred sociology] / transl. from French; comp. by S. I. Zenkin. M., Ladomir, 2006. 742 p.
5. Baudrillard J. *Prozrachnost' Zla* [The transparency of evil] / transl. from French by L. Lyubareva and E. Markova. M., Dobrosvet, 2000. 258 p.
6. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'. Izd. 4-e* [Symbolic exchange and death. 4th ed.]. M., Dobrosvet; Izdatel'stvo KDU, 2011. 392 p.
7. Bourdieu P. *Vklyuchennaya ob'ektivatsiya* [Participant objectivation] / transl. from French by G. B. Yudin // *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 2011. No. 2. Pp. 21–38.
8. Vattimo Dzh. *Prozrachnoe obshchestvo* [The transparent society] / transl. from Italian by D. Novikov. M., Logos, 2002. 128 p.
9. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The theory of the leisure class] / transl. from English; introduction by S. G. Sorokina. M., Progress, 1984. 367 p.
10. Gorts A. *Nemateriyal'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [The immaterial. Knowledge, value and capital] / transl. from German and French by M. M. Sokol'skaya; National Research University Higher School of Economics. M., Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta "Vysshaya shkola ekonomiki", 2010. 208 p.
11. Deïk van T. A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 2000. 308 p.
12. Zuboff Sh. *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The age of surveillance capitalism. The fight for a human future at the new frontier of power] / transl. from English by A. F. Vasilev; ed. by Ya. Okhon'ko and A. Smirnov. M., Izdatel'stvo Instituta Gaïdara, 2022. 784 p.
13. Ksenofont. *Vospominaniya o Sokrate* [Memorabilia]. M., Nauka, 1993. 384 p.
14. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of discourse theory]. M., Gnozis, 2003. 280 p.
15. Makconnell K. R., Bryu S. L. *Ekonomiks: printsipy, problemy i politika* [Economics: principles, problems, and policies] / transl. from the 14th English ed. M., INFRA-M, 2003. 972 p.
16. Marks K., Engels F. *Izbrannyye proizvedeniya : v 3-kh t. T. 1* [Selected works : in 3 vols. Vol. 1]. M., Politizdat, 1979. 640 p.
17. Makhnitskaya E. Yu. *Sovremennyyi ekonomicheskii diskurs v kognitivnoi paradigme* [Modern economic discourse in the cognitive paradigm]. M., RINKh, 2007. 230 p.
18. Mizes L. *Chelovecheskaya deyatel'nost': Traktat po ekonomicheskoy teorii* [Human action: a treatise on economic theory]. M., Ekonomika, 2000. 878 p.
19. Moss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology] / transl. from French, comp., foreword, introduction, commentary by A. B. Gofman. M., KDU, 2011. 416 p.
20. Nansi Zh.-L. *Bytie edinichnoe mnozhestvennoe* [Being singular plural] / transl. from French by V. V. Fure; ed. by T. V. Shchitsova. Minsk, Logvinov, 2004. 272 p.
21. Nansi Zh.-L. *O so-bytii* [On co-being] / transl. by M. K. Rykline // *Filosofiya Martina Khaideggera i sovremennost'* [The philosophy of Martin Heidegger and modernity]. M., Nauka, 1991. Pp. 91–101.

22. Sedlachek T. *Ekonomika dobra i zla. V poiskakh smysla ekonomiki ot Gilgamesha do Uoll-strit* [Economics of good and evil. The quest for economic meaning from Gilgamesh to Wall Street] / transl. from Czech. 2nd ed. M., Ad Marginem Press, 2022. 544 p.

23. Stepanov Yu. S. *Yazyk i Metod. K sovremennoy filosofii yazyka* [Language and method. Toward the modern philosophy of language]. M., Yazyki russkoy kultury, 1998. 784 p.

24. Tavbulatova Z. K. *Otrazhenie v sovremennoy ekonomicheskoy teorii spetsifiki ekonomiki ogranichennykh resursov* [Reflection of the specifics of the economy of limited resources in modern economic theory] // *Terra economicus – Terra Economicus*. 2012. Vol. 10, No. 4, Pt. 3. Pp. 50–53.

25. Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years] / transl. from French by M. Kastal'. 1996. 448 p.

26. Khaidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time] / transl. from German by V. V. Bibikhin. Kharkov, Folio, 2003. 503 p.

27. Khailbroner R. L. *Filosofy ot mira sego. Velikie ekonomicheskije mysliteli: ikh zhizn', epokha, idei* [The worldly philosophers. The lives, times and ideas of the great economic thinkers] / transl. from English by I. Faibisovich. M., KoLibri, 2008. 432 p.

28. *Ekonomicheskaya istoriya mira : v 6 t.* [World economic history : in 6 vols.] / gen. ed. by M. V. Konotopov. M., KNORUS, 2008.

29. *Soft power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft power: theory, resources, discourse] / ed. by O. F. Rusakova. Ekaterinburg, Diskurs-Pi, 2015. 376 p.

Поступила в редакцию: 22.08.2024

Принята к публикации: 25.03.2025